

В один прекрасный день я вдруг поняла, что смертельно надоела сама себе. Надоели темные волосы, строгая прическа, голубые глаза, надоела родинка на щеке и ямочка на подбородке, надоело каждое утро тащиться на работу, видеть там всех, надоело держать мобильник всегда включенным, надоело одеваться как «деловая женщина» и вообще надоело все, кроме Польки. Полька — это моя дочь. А еще мне уже заранее надоела предстоящая через два месяца свадьба... Моя собственная. Надоела квартира, надоела машина — все надоело. Вообще! И что с этим делать? Ну, в принципе, можно отремонтировать квартиру, поменять прическу, купить контактные линзы другого цвета, новую машину, отменить, к чертям, свадьбу... Но от себя-то не убежишь... Только зря потратишь деньги, время, силы и потеряешь хорошую работу. И жениха. В моем возрасте такие женихи на дороге не валяются, тем более что этого жениха одобряет даже Полина, а это само по себе уже достойно уважительного отношения. Так как же быть? Удавиться?

Но тем не менее я собрала волосы в привычный пучок, надела один из деловых костюмов, туфли на каблуках. Хорошо еще, сейчас не лето, когда в жару приходится надевать колготки. В нашем департаменте нельзя появляться с голыми ногами, и в брюках тоже нельзя. Однажды я решила схитрить и надела вместо колготок чулки на резинках. Чулки были чудо как хороши, но это кончилось плачевно. Во время важных переговоров, когда нас было только трое — шеф, иностранный партнер и я в качестве переводчицы, — я вдруг ощутила, что проклятый чулок сползает с ноги. Я сразу сбилась, запнулась, к немалому удивлению шефа, — такого со мной обычно не бывает... Я, конечно, взяла себя в руки, но после переговоров нам предстоял еще обед в ресторане, и времени на то, чтобы переодеться — запасные колготки всегда лежат у меня в столе, — не предвиделось. Я покрылась холодным потом.

— Вам нехорошо, Бронислава? — спросил шеф с таким явным неудовольствием, что я предпочла сказать:

— Извините, Владимир Никитич, колготки поехали.

Он покраснел от злости, но я не растерялась:

— Вы когда взмахнули рукой с сигаретой...

— Что? — уже побагровел он.

— Искорка попала на ногу! Можно мне пойти переодеться?

— Разумеется, и поживее! — хмыкнул он, видимо моя храбрость ему понравилась.

Держа через юбку проклятый чулок, я похромала к себе в отдел.

— Брошка, что с тобой? — воскликнул мой коллега и приятель Вася.

— Не смей называть меня Брошкой! — привычно огрызнулась я, выхватила колготки, предварительно сорвав с себя окаянные чулки, чем несказанно удивила Васю и Светлану. Но мне было не до приличий.

Больше я чулки не ношу. Хватит с меня. Уж лучше париться в колготках! Хотя жаль, это красиво и сексуально. Мои коллеги утверждают, что с ними такого никогда не случалось. Лилька, например, носит чулки на резинках всегда, даже в самые лютые морозы, и хоть бы хны. А мне с первого раза не повезло. К чему это я? Ах да, я себе надоела. Это отвратительное ощущение преследовало меня целый день как косточки в лифчике, хотя я уже давно не ношу лифчиков с косточками. Именно потому и не ношу, что раздражают. К вечеру это достигло такой силы, что я решила хоть что-то поменять. Самым простым и наименее разорительным способом, пожалуй, будет покупка новой помады. Я давно хотела купить себе ярко-красную. Может, станет полегче? Но не стало.

— Мам, ты что, спятила? — встретила меня Польшка.

— Почему?

— Что за цвет? Жуть какая-то. Как будто ты только что закусила христианским младенчиком.

— Полина, что ты несешь?

— Просто адекватно реагирую на этот кровавый кошмар! Кризис?

— Какой еще кризис?

— Среднего возраста.

— У меня еще не средний возраст, у меня еще молодость, — может, не первая, конечно, но все-таки.

— А когда начинается средний возраст?

— Ну лет в тридцать шесть, наверное, а мне только тридцать два, а на вид дают вообще двадцать семь.

— Это когда меня рядом нет, — довольно ехидно заметила Полина.

— Тебя все принимают за мою младшую сестру.

— Ужинать будешь?

— Буду. А что на ужин?

— Праздный вопрос. Конечно, супчик.

Чтобы не портить фигуру, мы на ужин обычно едим овощной постный супчик, кто-то нас научил. Это вполне съедобно, утоляет голод, и его можно есть сколько хочешь. Правда, уже нельзя пить чай, но красота требует жертв. Однако сегодня я этого не переживу.

— Нет, не могу. Собирайся, пошли в кабак!

— Ну точно, у тебя кризис! Хотя в кабак пойти

совсем не хило. Зигзаг в любой диете приветствуется.

Кабаком у нас назывался маленький уютный ресторанчик, расположенный в соседнем доме. Когда мы туда вошли, я вдруг поняла, что и это заведение надоело мне до тошноты. Но поблизости другого не было, а ехать куда-то уже нет сил.

Полька с интересом листала меню, а я и открывать его не стала — и так наизусть знаю.

Когда милая девушка Жанна приняла у нас заказ, Полька, подперев лицо руками, осведомилась:

— Мам, что с тобой, а?

— Понимаешь, мне вдруг все надоело. До тошноты.

— И я?

— Ты пока нет.

— А Женя?

— Женя тоже надоел, но хуже всего то, что я сама себе надоела, понимаешь?

— Честно говоря, не очень.

— Твое счастье, — тяжело вздохнула я.

— Ты что, уже замуж не хочешь? — испуганно спросила Полька.

— Да я не знаю... Но наверное, не хочу!

— Ну знаешь, мам, в кои-то веки попался приличный мужик...

— Да мы его еще мало знаем. Все так быстро получилось...

— Вот и здорово! Выйдешь замуж, и тебя будут подстерегать сюрпризы на каждом шагу — не до скуки будет.

— Ишь ты какая умная! А мне удавиться охота.

— Мам, не вздумай! Мне еще рано быть сиротой.

— У тебя есть папочка.

— Фью! Где я, а где папочка! Да и нужна я ему триста лет... Мам, а ты возьми отпуск, съезди в Турцию, проветришься.

— Знала бы ты, как мне надоела Турция!

— Ну ты даешь! Турция ей надоела! Надо ж такое сморозить. Ну съезди в Египет.

— Не хочу. Отвяжись вообще от меня, ешь свой салат и не приставай!

Она, кажется, обиделась, во всяком случае, пожалала плечами, надулась и стала с аппетитом есть салат с креветками. Но выдержала недолго:

— Мам, ты, может, влюбилась, а?

— Если бы!

— Ты что, в Женю совсем не влюблена?

— До сегодняшнего дня думала, что влюблена, а сейчас... Мне все надоело!

В этот момент у меня зазвонил мобильник. Номер почему-то не высветился, зато голос я узнала сразу. Это звонил мой двоюродный брат, Венька. Мы давно не общались. Он популярный артист и всегда занят по горло.

— Бусечка, привет!

— О, привет, пропащая душа!

— И не говори, ни на что нет времени, просто зарез. Ну как ты? Как твоя потомка?

— Большая совсем, вот сидит напротив. Мы с ней ужинаем в кабаке. Хочешь, подваливай!

— Сейчас не могу, но вот завтра... Буська, нам надо повидаться, очень!

— Что, опять любовные драмы?

— Это не драма, это почти трагедия, и помочь можешь только ты. У тебя когда обеденный перерыв?

— Если ничего экстренного не случится, то с половины второго до половины третьего.

— Давай я к тебе подскочу — и мы поговорим. Я ужасно соскучился.

— Я тоже, — вздохнула я. Все ясно как божий день. Несмотря на роскошную внешность, обаяние, талант и популярность, Венька на редкость невезучий в личной жизни. А может быть, именно в силу всех вышеперечисленных достоинств. Но одно совершенно очевидно — завтра в обеденный перерыв поесть не удастся. Он придет на своей шикарной машине, и мы просидим там целый час, он будет говорить, какая сука его очередная баба. Или блядь. Или непроходимая идиотка. А скорее всего, и то, и другое, и третье в одном флаконе. Надоело! Но я даже отдаленно не могла себе представить, к чему приведет эта встреча. Я никогда даже не слышала ни о чем подобном, разве что читала в каком-то идиотском романе.

...В детстве мы были невероятно дружны. Я его обожала. Ну еще бы, старший брат, мечта любой девчонки, пусть даже двоюродный. Наши мамы родные сестры. Венька старше меня на три года. Нашей дружбе способствовало то, что летом мы жили вместе на дедушкиной даче в Абрамцево, а подходящей компании для него там не было. Волей-неволей приходилось общаться со мной. А так как я его обожала, он меня ценил. Он уже тогда ценил внимание публики. Его обожали и мои подруги. Когда он подрос, то стал делиться со мной своими любовными тайнами. Потом решил стать актером, и это была самая страшная тайна. Семья ни о чем не догадывалась. Ну еще бы, у нас ценились только ученые степени. В роду имелся даже один нобелиант, дядя Сева, двоюродный брат дедушки, умерший еще до нашего рождения. Ну и семейству ужасно хотелось, чтобы Венька стал вторым нобелиантом, а он жаждал «Оскара»! И я тоже. То есть я не собиралась быть актрисой, я жаждала присутствовать на церемонии вручения «Оскара» Веньке. Мы тогда еще смутно представляли себе эту церемонию, нам этого не показывали в то время. Не знаю, получит ли Венька когда-нибудь «Оскара», но «Хрустальная Турандот» у него уже есть! И я была на церемонии вручения! Так что отчасти наши детские мечты воплотились в жизнь. Уже кое-что! Венька даже пытался сбить меня с панталыку, уговаривал поступать в ГИТИС, но я элементарно ис-

пугалась. А скандалы в семье могли кого угодно навеки отвести от театральной карьеры. Только не Веньку. С тех самых пор из всей семьи он общается только со мной. Правда, от семьи теперь мало что осталось, Венькин отец преподает где-то в Скандинавии, и они с теткой редко бывают в Москве, так что тетя Таня, которая давно простила Веньку, страдает и мечется между твердолобым мужем и не менее твердолобым сыном. Они уж если обижаются, то раз и навсегда, что, по-моему, не свидетельствует о большом уме. А кто сказал, что талант и ум — одно и то же?

Венька позвонил за час до обеденного перерыва:

— Буська, ты помнишь о нашей встрече?

— У меня еще нет маразма.

— Приятно слышать. Значит, ровно полвторого я тебя жду внизу! Только, пожалуйста, не приводи с собой своих сотрудниц, у нас чудовищно важный разговор, и мы можем не успеть!

— Поняла!

Однажды, когда Венька заехал ко мне, наши девицы окружили его плотным кольцом, требуя автографы и коллективно кокетничая. К тому времени он уже устал от обожания или просто был раздражен, но скандал мне закатил нешуточный. Поэтому я, никому ничего не говоря, в половине второго выбежала из нашего помпезного здания и юркнула в его машину. Он сразу заехал за угол, где нас не могли засечь.

— Привет, Буська, что-то у тебя унылый вид.

Только я собралась поведать любимому братцу, что я сама себе надоела, как он заговорил, не слушая меня. Впрочем, он никогда не умел слушать, если речь шла не о нем.

— Буська, ты должна меня спасти!

— Опять драма? Ах да, ты же говорил, трагедия. В чем дело, я тебя слушаю. Поздний аборт? Незаконный ребенок в тьмутаракани?

— Хуже, Буська!

— Ну? — уже испугалась я.

— Я горю, Буська!

— В каком смысле?

— В прямом! Синим пламенем! Понимаешь, я взялся сколотить бригаду, забойную, и сколотил, но тут Нютка, сволочь, соскочила — и теперь мы горим! Пытался найти ей замену, ни фиги не выходит, ну как назло, к тому же Гордиенко фордыбачит, если он откажется, все — кранты, а я уже взял аванс! Буська, выручай!

Я не поняла ничего:

— Тебе нужны деньги?

— Какие, блин, деньги? Мне нужна ты!

— Веня, я ничего не понимаю. Ни-че-го! Или объясни по порядку, или я ухожу!

— Извини. Я слишком волнуюсь. Срывается потрясающая тусовка, за которую должны еще и прилично заплатить, а главное не это, деньги там не безумные, но я уже сорвал нескольких человек, и мне не простят...

— Я ухожу!

— Подожди! Слушай!

И он поведал мне, что в прошлом году организовал прекрасное турне. Собрал группу артистов и повез в Америку. Он сам не ожидал, что будет такой успех. И материальный в том числе. Он уже ощутил, что в нем живет еще и отличный импресарио, а это при зыбкости актерских судеб совсем нелишнее. Неизвестно, будет ли он, постарев, пользоваться таким же успехом. А так в запасе вторая профессия. И вот сейчас он снова сколотил группу для поездки в Израиль. Там предусматривается двухнедельное турне по городам плюс недельный отдых у моря. Условия очень приличные, компания — зашибись, но дело в том, что Анна Тимошина, превосходная актриса и певица, наотрез отказалась ехать, а без нее горит забойный номер Юрия Гордиенко, потому что они вдвоем играют жутко смешную одноактную пьесу, которая пользуется бешеным успехом.

— И при чем здесь я?

— Ты сможешь ее заменить. Запросто!

— Я? Да ты спятил, братик. Срочно к психиатру!

— Ерунда! Ты справишься.

— Я не актриса, я не умею играть.

— Там играть не надо. Ничегошеньки, только петь. А поешь ты изумительно!

— Я не пою!

— Ты поешь! Ты прекрасно поешь! Помнишь, я как-то записал тебя на Новый год? Клевая за-

пись получилась, так вот, я прокрутил ее Гордиенко, и он пришел в восторг. Сказал, что ты поешь непрофессионально, а это куда лучше для твоей роли. Короче, он согласился с тобой встретиться и попробовать. Получится — хорошо, не получится... Тогда зарез!

— Послушай, Венька, я спела в компании, подвыпив, без стеснения, а на публике я не могу, к тому же в окружении классных актеров... Это совершенно дикая, даже какая-то хамская идея — так подставлять сестру...

— А брата бросать в пасть... тиграм можно? — как-то сварливо осведомился Венька. — И вообще, Буська, тебе предоставляется такой шанс... я всегда говорил, что ты должна быть актрисой.

— Ты же сию минуту уверял меня, что ничего играть не надо, только петь?

— Да. Только петь. Ты, дурища, подумай, это же кайф — в такой классной компании поехать в такую классную страну...

— Там война.

— Где война, а где мы... И потом, там же люди живут и, между прочим, полной жизнью, настолько полной, что даже ходят на спектакли и концерты. Мы ж на передний край, что называется, соваться не будем. И потом в Москве тоже можно запросто нарваться на террористов. Кстати, ты можешь взять псевдоним. Не Бронислава Левашова, а хоть Матильда Кшесинская или Мария Каллас. Ты подумай, Бронзулечка, новая

жизнь — пусть всего на три недели, а? Все новое — имя, профессия, хочешь, даже внешность!

Я вздрогнула. Так не бывает! Только вчера я поняла, что смертельно себе надоела, — и вдруг такое предложение. Но оно чересчур невероятное, я не смогу.

— Я, Венька, никогда не была авантюристкой.

— Ну и дура! — закричал он. — Нельзя, нельзя упускать такой шанс! Если он тебе предоставляется, его надо использовать! Ну чем ты рискуешь? Отпуском? Так ведь отдых тебе обеспечен и куча впечатлений, страна-то потрясающая.

— Я не понимаю!

— Ну чего ты не понимаешь?

— Почему ты не можешь найти профессиональную актрису или певицу? Их, по-моему, как грязи...

— Я пытался, — тяжело вздохнул кузен. — Не вышло. С двумя Гордиенко категорически отказался работать, а он, сама понимаешь, ключевая фигура... И номер забойный. В Америке такой успех был... Одна, на которую он согласился, не смогла... И потом, Буська, ну нет времени, можешь ты понять?

И тут я вдруг ощутила, что больше всего на свете я хочу поехать. И внутри все уже дрожало от страха. Я боялась, что Гордиенко меня не одобрит, и ужасно боялась опозориться, если меня возьмут.

Заметив мои колебания, Венька как клещ вцепился в меня:

— Буська, я тебя просто умоляю! Если ты согласишься, я готов всю жизнь исполнять все твои самые дурацкие желания. Вот ты, например, позвонишь мне ночью и скажешь: «Венька, я хочу, чтобы ты женился на Никаноровне!» Ей-богу, женюсь!

Никаноровна — это старая домработница, которая живет в квартире его родителей.

Я не выдержала и расхохоталась.

— Значит, ты согласна? — возликовал Венька. — Тогда давай свой загранпаспорт и срочно говори псевдоним.

— погоди, а Гордиенко? Вдруг я ему не подойду?

— Вечером мы едем к нему, я уже договорился.

— Как ты мог договориться? — ахнула я.

— Рассчитывал на преданную сестринскую любовь.

— Наглая морда! Я же боюсь, ты понимаешь?

— Побоишься, перестанешь. Все боятся. И потом он такой обаятельный, он тебе понравится.

— Он всем нравится.

— Ну вот видишь... Он так всем нравится, что ты спокойно будешь купаться в лучах его славы, а заодно и в Средиземном море. Поди кисло?

— Да нет, совсем не кисло. Но стремно.

— Ерунда, не боги горшки-то обжигают.

— А если я провалюсь?

— Ты не провалишься, я убежден на все сто.

— Сто пудов, как говорит Польшка?

— Сто пудов! Бусечка, подумай, мы три недели будем вместе, как когда-то в Абрамцеве. Это же кайф, а то в этой суматошной жизни и не видимся почти.

— Да ладно, я тебя небось и не увижу, как пойдешь по тамошним Суламифям.

— Да ты что, я в таких поездках сама добродетель. Положение обязывает. В мои задачи ведь входит обеспечение дисциплины, а актеры такой народ... Любят расслабиться, и Израиль к этому располагает.

— К чему?

— К расслабухе.

— Никогда бы не подумала, особенно если смотреть сводки с Голанских высот и с этих, как их... территорий.

— Ты не поверишь, но там мгновенно наступает расслабуха. У актеров особенно. Никогда не видел, чтобы знаменитые, классные артисты так халтурили, как там... Но у меня этого не будет. Ну все, Бусенька, на вот съешь плюшку, ты же любишь!

И он достал из пакетика именно такую плюшку, как я люблю, — улиточкой, посыпанную сахаром с корицей.

— Венька, — умилилась я.

— Рада? Я помню все про свою любимую сестренку, не дам тебя в обиду никому и, более того, обеспечу тебе успех!